

«Развалины» Державина, где мы находим редчайший, просто уникальный случай подобной античной прономинации Екатерины II Кипридой называть императрицу было не принято. Это слово Державин взял из совершенно иной области поэзии, далекой от обращенных к венценосным особам од. Однако здесь в обращении к Екатерине сказалось по-особому интимное, задушевное дерзновение, характерное лишь для одного из русских поэтов — для «певца Фелицы».

Образ Киприды и стих « флоты жгла» не исчерпывает проблемы соотношения двух произведений — стихотворений Пушкина «Мне жаль великия жены» и Державина «Развалины». У этих произведений единый источник вдохновения — воспоминание о Царском Селе и его хозяйке. Державин в «Развалинах» мысленно путешествует по местам, освященным присутствием Киприды-Екатерины (в стихотворении Царское Село представлено как остров богини Киприды), тот же творческий посыл, как мы это видели в автографе Пушкина, определяет и замысел «Мне жаль великия жены». Однако Пушкин, в 1822 г. выразивший удивление «подлостью русских писателей», воспевавших Екатерину (XI, 15), смотрит на нее иными глазами. Для Державина императрица — подлинная небожительница. В ее царскосельской жизни его поражало все то, что она делала как простая смертная: «Здесь в внутренни она чертоги / По лестнице отлогой шла, / Куда гостить ходили боги»¹⁵. Пушкин также не прочь побродить по аллеям Царского Села вместе Екатериной, Державиным, Орловым, но картина, открывающаяся его взору, принципиально иная. В стихотворении «Мне жаль великия жены», несомненно, присутствует элемент идейно-художественной полемики с «певцом Фелицы». Пушкин спорит с ним, показывая за наружным блеском императрицы ее подлинную суть, лишенную каких-либо божественных черт, ее суетность, тщеславие, похотливость.

Завершив вчерне стихи 5–9, Пушкин обратился к финалу своего стихотворения (стихи 18–21), в котором, по-видимому, следует усмотреть еще одну переключку с державинскими «Развалинами»: «Все тьмой покрылось, запустело, / Все в прах упало, помертвело / От ужаса вся стынет кровь, / Лишь плачет сирая Любовь»¹⁶. Ср. также черновой пушкинский вариант «С тех пор затмилась навсегда / России < > слава» (II, 870). Конечно, обнаружившуюся при сравнении стихов Державина и Пушкина параллель можно объяснить формализованными поэтическими приемами произведений, написанных на смерть какого-то лица. Для них

¹⁵ Державин Г. Р. Сочинения. Т. 2. С. 62.

¹⁶ Там же.